

Воспоминания фронтовика

Война... Страшное, жуткое понятие. Чем дальше мы удаляемся во времени от этих страшных лет в нашей российской истории, тем острее, явственнее вырисовывается ее образ. Через эту колоссальную мясорубку (с ноября 1941 по май 1945 гг.) довелось пройти нашему земляку, младшему сыну последнего монокского атамана Анания Ильича Байкалова – Ивану Ананьевичу. Начав службу в 191 отдельном лыжном батальоне, воевал в Подмосковье, участвовал в боях за Харьков, Кишинев, Одессу, освобождал Варшаву и Прагу. Начав войну рядовым солдатом, Иван закончил ее гвардии капитаном, командиром роты 48 гвардейской стрелковой дивизии. Его боевой путь прошел через Западный, Северо-Западный, Сталинградский, 1-2-3-4 Украинские фронта. Три раза был ранен. Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды. Сегодня мы публикуем воспоминания фронтовика, которые написаны Иваном Ананьевичем незадолго до смерти в 2008 году.

ИВОН наступило 12 января 1945 года. В 5.00 утра загремели сотни орудий, минометов, заскрипели, завизжали «Катюши». Это был какой-то кошмар! Еще ни разу за все время пребывания на фронте мне не приходилось наблюдать такой огневой мощи: ни на Брянском направлении, ни на Дону, ни в других местах, где приходилось участвовать при прорыве обороны противника. Такого я не видывал! Здесь, на Вислинском плацдарме, творилось что-то невообразимое. Земля ходила ходуном, ходуном ходили бревенчатые перекрытия в землянках и блиндажах, земля ручьями потекла в щели перекрытий, осыпались земляные стенки блиндажей, окопов, траншей. Этот кошмар продолжался минут пятнадцать и остановился разом. Только отдельные батареи стреляли в глубину обороны противника. Как только остановилась артподготовка, часть пехотных подразделений бросилась к первой траншее противника.

А там... ужас! Нет живого места. Земля взрыта как пахотное поле. На каждом шагу в траншее убитые и раненые немцы. Часть фашистов из первой их траншеи сумела перебраться ходами сообщения во вторую, оттуда продолжала бой. Они ввели в бой уцелевшую свою артиллерию, минометы и даже попытались отбить свою первую траншею. Но безуспешно. В это время наши артиллеристы тщательно засекли позиции уцелевших огневых рубежей противника, готовили расчеты целей. Ровно в 10.00 снова заревела вся масса сосредоточенной здесь огневой мощи. Она обрушилась на оборону противника внезапно. Как мне стало известно позднее, здесь было сосредоточено местами до 500 стволов на одном километре. А сколько их было всего, если прорыв делался на участке более десяти километров.

ПОЧТИ два часа непрерывно грохотала эта наша армада. Артиллерийские позиции, наблюдательные, командные пункты и ближайшие штабы противника были разнесены. Через два часа поднялась и пошла вперед основная масса пехоты. Артиллерийский огонь был перенесен в глубину первой линии обороны противника. Еще спустя два часа наши части овладели главной полосой обороны противника. В бой вступили наши танки и пошли вперед, круша все на своем пути. К концу дня улучшилась видимость, в атаку пошла наша авиация. Бомбардировщики шли в глубокий тыл противника, громили его резервы, базы снабжения, мешали ему перегруппироваться. Штурмовики утюжили отступающие войска первой линии, их штабы, ближайшие тылы. К исходу первого дня наступления – 12 января – мы продвинулись на 10 – 12 км.. На следующий день вышли к реке Нида и сходу форсировали ее. На третий или четвертый день форсировали и речку Пилица. Противник предпринимал попытки зацепиться за эти речки, но не получалось. Дело в том, что наши танковые соединения – 3 гвардейская танковая армия генерала Рыбалко П.С. и 4-й гвардейский танковый корпус генерала Полубоярова использовали прорыв нашей пехотой обороны противника, вырвались на оперативный простор, в тыл немецких войск, и срывали все их попытки организовать оборону на удобных ру-

бежах, например, на реках. Правда, иногда на отдельных направлениях немцам удавалось остановить наступление наших частей на день-два. Зато с других направлений, вследствие успешного продвижения наших войск, нависла опасность флангам и тылам противника, и он вынужден был уходить с позиций, на которых было где закрепиться. В отдельные дни наша пехота, преследуя противника, продвигалась до 20 км и больше.

Немцы пытались закрепиться на следующем водном рубеже – реке Варта. Но и здесь не удалось. Значительно позже, будучи студентом, я узнал, что наступление наших войск в Польше планировалось на 20 января 1945 года. Но на Западе немцы сумели организовать контр наступление против наших союзников – американцев и англичан – и погнали их. Премьер-министр Англии обратился к Сталину: нельзя ли организовать наступление 12 января, т.е. на 8 дней раньше. Это означало, что мероприятия по подготовке к зимнему наступлению не были выполнены полностью. В таком деле 8 дней – это большой отрезок!

Мы успешно наступаем, противник «успешно» бежит, но огрызается. Между тем приближаемся к польско-немец-

кой границе 1939 года. Граница. Как она выглядит, какие на ней сооружения? Эти вопросы интересовали, наверное, не одного меня. Но оказалось все гораздо прозаичнее, чем я воображал... «Границу» можно было обнаружить только на наших военно-топографических картах, которые выдавались командирам подразделений. Ничего, что обозначало бы границу в натуре, мы не обнаружили. Да это и понятно. Захватив в 1939 году Польшу, немцы снесли все те сооружения, которые создавались на границе обеими сторонами. Но все окружающее нас вполне ясно указывало, что мы уже в Германии. Долго же добирались до тебя, Германия! Позади три года и девять месяцев войны. Много и бесполезно втолковывал немцам Фюрер и его Геббельс о том, что русским никогда не удастся одолеть немецкую армию. Удалось! Гоним от самого Сталинграда. Припомнился такой факт. На одной из магистральных улиц только что освобожденного г. Львова еще сохранился немецкий дорожный знак-табличка со стрелкой в сторону Берлина. На табличке указано расстояние до Берлина. Кажется девяносто с лишним километров. Знак выполнен с немецкой педантичностью, масляными красками, аккуратно, чисто. Вот на этом знаке один советский воин мелом размашисто написал: «... дойдем!».

По мере приближения к границе во всех частях и подразделениях политработниками была проведена соответствующая работа. Суть ее в следующем. Мы ведем справедливую, освободительную войну. Наш противник – фашист-

ская армия. Мирное население Германии не в ответе за злодеяния, допущенные фашистами на оккупированной ими нашей земле. Мы должны проявлять человечность в отношении немецкого населения. Мне казалось, что солдаты наши не очень воспринимали эти идеи. Ведь столько зла принесли фашисты каждому из нас. Убиты на войне отцы и братья, замучены на оккупированной территории родители, родственники, угнаны в немецкую неволю братья и сестры, разорено хозяйство, сожжен дом. Как можно забыть все это, не отомстить? Мои опасения не подтвердились. Первые соприкосновения с немецким населением, со стариками, женщинами, детьми показали насколько гуманный советский солдат. Озлобление как-то стало ослабевать. Может, кое-где и были отдельные случаи негуманного поведения солдат. В моей роте, в других подразделениях, действовавших рядом, я таких случаев не знаю. Да и как можно было мстить этим смертельно запуганным, беззащитным, чувствовавшим себя обреченными людьми? Запуганные пропагандой и под давлением военных властей немцы покидали свои жилища и уходили на запад вместе с отступающими войсками. Открывалась печальная картина: брошенные дома, на дворе гуляет беспризорный скот, в домах курицы, поросята, собаки. Были случаи, что на столах оставалась еще

горячей приготовленная пища. Лишь немногие оставались на месте. Это те, кто по какой-то причине не могли уйти. В их глазах полнейшая обреченность. Русские солдаты обращались с ними, как с людьми, ничего не требовали, ничего не брали. Исключение составляли велосипеды. Их в каждой семье было по два, три и больше. Солдат просто решал: отмахал я пешком многие сотни километров, почему бы не воспользоваться велосипедом?! Ну и конечно с «разрешения» хозяев брал один из них – и ехал. Ехал до тех пор, пока не попадался на глаза старшему начальнику. После этого «наездник» бросал свой транспорт, но не теряя надежду, что возможность «прокатиться» на велосипеде у него еще будет.

ИТАК, мы идем дальше вглубь Германии. Чем ближе к Берлину, тем больше менялась картина. Стали встречаться города и села, в которых население оставалось почти полностью. Об этом свидетельствовали белые флаги. Редко на каком сельском доме, на балконе или окне городской квартиры не был вывешен белый флаг. Раз висит белый флаг, значит, хозяин дома, не ушел искать счастье на запад. Что и говорить, приятно было видеть множество белых флагов. Это ведь символ признания капитуляции. Символ безоговорочного признания нашей победы, которая уже была рядом...

ПОМНИТ СЕРДЦЕ,
НЕ ЗАБУДЕТ
НИКОГДА